

**«ОТКЛОНЕНИЯ» ОТ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА
В СВЕТЕ ДАННЫХ АККАДСКОГО ЯЗЫКА**

Кандидат филол. наук Н. А. МКРТЧЯН

Наличие аккадских слов в армянском отмечено еще в 1892 г. Г. Гюбшманом при определении сирийских заимствований армянского языка¹. В дальнейшем разные специалисты указали еще несколько десятков аккадских слов в армянском языке, список которых был резюмирован и дополнен Р. Ачаряном и Г. Капанцяном². В результате дальнейших изысканий мы выяснили, что число аккадских слов, заимствованных армянским языком, превышает 500. Это дает право говорить о наличии аккадского пласта в лексике армянского языка. Как и в предыдущей статье³, здесь мы показываем аккадское происхождение большого количества армянских слов, которые многими армянами принимаются за индоевропейские.

Среди аккадо-армянских параллелей особого внимания заслуживают слова, относящиеся к дохристианской религии и понятиям, а также имена божеств и духов, общие у армян и шумеро-аккадцев. Отсутствие этих имен в пантеоне Урарту указывает на их большую древность, т. е. заимствование их, по-видимому, произошло в доурартскую эпоху. О почитании шумеро-аккадских божеств у армянязычников свидетельствуют дошедшие до нас имена *Ներգալ*, *Նեռ*, *Նանէ*, *Գրոանէ*, *Մամի*, *Նար*, *Նորրին*, *Ալ*, *Խաշաշու*, *Պրարլիկ* и др., а также слова ритуально-магического характера, например *թուլ* «колдун», *նարոտ* «магическая повязка», *սուրբ* «святой», *գիր* «письмо» (откуда *գրող* «писец; черт»), *արտը* «колдовство, проклятие», *լիպ* то же, *լիպրար* «колдун, знахарь».

Большой стабильностью отличаются также слова, относящиеся к земледелию, орошению и к повседневной жизни. Хотя население Армянского нагорья на протяжении своей истории неоднократно подвергалось завоеваниям разных народов (хетты, фригийцы, киммерийцы, скифы, персы, арабы, татары, турки), новые заимствования земледельческих терминов в армянском языке больше не наблюдаются.

¹ Н. Hubschmann, Die semitischen Lehnwörter im Altarmenischen, ZDMG, 1892, стр. 226—262; он же, Armenische Grammatik, I, Leipzig, 1894, стр. 281—321.

² 2. Աճառյան, Հայերեն արմատական բառարան, 1—7, Երևան, 1926—1935, 2-րդ հրատ. 1—3, Երևան, 1971—1977 (далее ЗУБ); он же, Հայոց լիզզի պատմություն, 1. Երևան, 1946, стр. 194—201; 3. Կարստ. Յուշարձան, Կիևնա, 1911, стр. 399—401; Գ. Ղափանցյան, Ասորա-բարելիական բառեր հայերենում, Երևան, «Տեղեկագիր» ԳԱ, 1945, № 3—4; Ն. Արոնց, Հայաստանի պատմություն, Երևան, 1971, стр. 282—392.

³ Ն. Մկրտչյան, Մի քանի նու սեմական բառեր հայերենում, «Историко-филологический журнал», 1970, № 2, стр. 241—251.

Можно привести небольшой список армянских слов, имеющих аккадские соответствия, в котором отражен почти весь цикл земледельческих работ и необходимые для них инструменты:

հարոր/խարոր harog/xarog „соха“, *հ/խարորել* h/xarorel „пахать“ (диал.) = акк. *ḥaragu* „бороздить“;

պարոր parog „трамбовка, борона, каток“, *պարորել* parogel „трамбовать, боронить, укатывать“ (диал.) = акк. *paragu* „разбивать, крошить“;

ղաշօղ gašcš „резак, секатор“—ср. акк. *gašašu* „резать, отрезать“;

մալոխ malox „корчевалка“ (диал.)—ср. акк. *malāḫu* „корчевать, выдергивать“;

սանդ sand „ступка“—ср. акк. *samādu/sanādu* „толочь, измельчать“;

մանկեր manker „борона“, *մանկերել* mankerel „боронить, вырывать“ = акк. (ma)naqīru „вырывать, надирать“;

ցակատ sakat „резак, секатор“—ср. акк. *saqātu/zaqātu* „колоть, сечь, отсекаать“;

սակ sak’ „борона, грабли“, *սակել* sak’el „боронить, сгребать“ = акк. *zaqu* „боронить“;

փետատ p’etat „мотыга, кирка“, *փետել* p’etel „вырывать, сдирать“—ср. акк. *pirattitu* „клинообразный инструмент для распашки“, *ot retū* „раскрывать, открывать“;

խոր xor’ „лемех, сошник“, *խորել* xor’el „бить, ударить“ = акк. *ḫaru* „разрушать“, *ḫerū* „искрошитель глыб“;

կամ(ն) kam(n) „молотильная доска“, *կամնել* kamnel „молотить“ = акк. *qamū/qemū III* „молоть“;

ուրագ urag „тесло“ = акк. *uraggu* „тесак, тесло“;

կասին kacin „топор“ = акк. *ḥassinnu* „топор“;

շեմ-արան štem-aran „амбар, закрома“ = акк. *šutummu* „амбар, склад“;

կոթուց փ kothur/p’ „ларь, амбар, сундук, мера емкости“ = акк. *kirurru* „ящик, ларь, мера емкости“;

հոր/խոր hog/xog „яма, хранилище, колодец“, *խորել* hogel „углублять, вырыть“ = акк. *ḥargu/ḫigu* „яма, глубина, колодец“, *ḫegu* „углублять, вырыть“;

արոտ arot „пастбище, выгон, выпас“ = акк. (a)ritu „выгон, пастбище, выпас“⁴.

О наличии древнейших контактов между населением Армянского нагорья и Двуречья говорят не только древнеаккадские формы в армянском языке (которые в дальнейшем изменились и в самом аккадском, например: арм. *աւետ* awet „слово, обет“ = др.-акк. *awātu*, ассир. *abātu*, н.-вавил. *amātu*; арм. *վարել* war-el „водить, руководить, гнать“ = др.-акк. *warû*, н.-вавил. *arû*), но и те шумеризмы, которые вообще неизвестны аккадскому и другим семитским языкам: арм.

⁴ Некоторые из этих аккадских слов, как *uraggu*, *ḥassinnu*, неизвестного происхождения, и пока трудно установить, из какого языка они унаследованы.

awdl „овца“⁵ = шум. UDU, акк. immeru, арм. արժ արժ „цена“ = шум. GIN, акк. šiqu. арм. Գիսանի Gisanē = шум. GAŠAN-E, акк. beltu „госпожа небесная“ и др.

Большинство лексических заимствований и в фонетическом отношении выявляют архаичные черты, характерные для общесемитского или древнеаккадского состояния. Сибилянты древнеаккадского языка в дальнейшем или изменились, или не различались графически, поэтому они слились в один звук s⁶. Существование двух (или трех) фонем, обозначаемых графемой s, подтверждается не только на примерах самого аккадского языка, оно проявляется более ярко в тех заимствованиях армянского, которые на месте аккадского эмфатического s имеют c/c, или č. Это позволяет предположить, что они были осуществлены еще тогда, когда в самом аккадском различались s, š, ṣ. В противном случае в армянском мы не имели бы вместо аккадского s либо c/c, либо č.

Аккадскому эмфатическому ṣ в армянском соответствует c в следующих параллелях:

sabātu „сдержать, хватать“ — арм. ժպտել cpi-el „сдержать“⁷;
sarsaru (IV) „лес“ (редупликация из šaru)—арм. ծառ sar „дерево“⁸;
šâru, siâru „превышать, возвышаться“—арм. ծանախարհ sar-anal „возвышаться“⁹;

šillu „колючка, шип, игла“—арм. ծիլ cil „росток, всходы“, ծեղ ceġ „солома, заноза“¹⁰;

sêru „пространство, степь, пустыня“—арм. ծիրք cer-k' „пространство“¹¹;

širu „край, конец“—арм. ծիր/ծիր, ծար cer/cir, caug „край, конец, предел“¹²;

sêtu/sîtu „восход, выход“—арм. ցայտ sayt „брызги“, ծ/ցաթել c/cat'-el „восходить“¹³;

⁵ Парадоксально, что это слово некоторые специалисты считают «исконно» армянским, выводя из и.-е. *ovī «овца»; из него предполагается и арм. (հ)ովի (h)oviv «пастьух». Но каким образом от одной основы могли образоваться одновременно hoviv и awdi? Откуда появляется d в слове awdi/odi? См. *ՀԱԲ*, 3, стр. 117, и 6, стр. 1581—1582.

⁶ S. Moscati e. a., *Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages*, Wiesbaden, 1964, стр. 24; W. von Soden, W. Röllig, *Akkadische Syllabar*, Wiesbaden, 1967, стр. XX—XXI; далее И. М. Дьяконов, *Языки древней Передней Азии*, 1967, стр. 268—269; K. Riemerschneider, *Der Lehrbuch des Akkadischen*, Leipzig, 1969, стр. 18.

⁷ См. *Ե. Մանուկյան, Բաղադրականություններ, 1975* (далее *Բ2*), стр. 153.

⁸ Имеет ненадежную этимологию из и.-е. *sm-+gns, см. *ՀԱԲ*, 2, стр. 446—447, также Г. Джаукян, *Очерки по истории дописьменного периода армянского языка*, Ереван, 1967 (далее *Очерки...*), стр. 182, 185, 303; šar находим в хурритском и урартском языках.

⁹ См. *ՀԱԲ*, 2, стр. 446—447; также *Очерки...*, стр. 182, 185, 303.

¹⁰ См. *ՀԱԲ*, 2, стр. 455; см. также *Очерки...*, стр. 206, 312.

¹¹ В *ՀԱԲ* нет; см. *Բ2*, стр. 151.

¹² В *ՀԱԲ* не имеет этимологии; см. *Բ2*, стр. 151; *Очерки...*, стр. 204.

¹³ В *ՀԱԲ* не имеет этимологии; см. Գ. Ղափաշյան, указ. соч., стр. 36.

ṣubatu „одежда, покров“—арм. ծպտ-հալ crt-eal „скрытый, переодетый, покрытый“¹⁴;

esēru „изобразить, рисовать, чертить“—арм. ծր-հլ sg-el „чертить, писать“¹⁵;

s/zu, esû „резать, делить“—арм. ծզ-հլ sw-el „отделять“, ծրի/ծռ cīw/cu „лоскут“¹⁶;

asu (= ajjasu) „флакон для пригирааний“—арм. ալծ/օծ awc/oc „притирание, мазь“¹⁷;

saratu „выпускать газы, гадить“—арм. ծրտ-հլ crt-el „гадить“ (см. ճռռ/ծ-հլ¹⁸);

(w)asû „выходить, удалиться, входить“—арм. ած-հլ ac-el „выводить, нести, снимать“¹⁹;

usa'u „выходить, удалиться“—арм. ած-անալ uc-apal „удалиться, отчуждаться“²⁰;

rasapu „окутывать, покрывать“—арм. (u)րածան-հլր (s)p'acap-el „покрыв, передник“²¹.

В некоторых случаях против эмфатического s аккадского языка имеем придыхательный вариант арм. с, т. е. с:

hassinpu „топор, колун“—арм. հազին կալп „топор“;

hussu „камышовая хижина“—арм. հուց хуц „келья, камера“;

sertu „грудь“—арм. ջրր/ծ, ջր/ծհրք cirt', crt'ink' „грудь“ (диал.);

sarātu „выпускать газы, гадить“—арм. ջրիծ-հլ çrt'-el „котиться“ (диал.);

situ/sētu „выход, восход солнца“—սա/ծ-հլ çat'el „восходить, выходить“, ջալտ- ջհ/ծ-հլ (cayt-/çet'-el);

kaşaru „соединить, сжать, собирать“—арм. կար-հլ kçr-el „сжать, собирать, соединить“;

salāru, silru „разрезать, расщеплять“—арм. ջլիւլ cīer „заусеница“ (диал.).

В следующих параллелях аккадскому s в армянском соответствует с:

sabaḡu I „кричать, чиркать, трещать“—арм. ճպտտ սրղ „сверчок“ (звук подражание)²²;

sirsigu „сверчок, кузнечик“—арм. ճրճիր ճրճից „сверчок, кузнечик“ (звук подражание);

sililītu „какая-то птица“—арм. ճլլլտ ճոլոտ „какая-то птица“ (звук подражание);

¹⁴ Имеет ненадежную этимологию, см. *ՀԱՐ*, 2, стр. 475; *Очерки...*, стр. 260.

¹⁵ *ՀԱՐ*, 2, стр. 459, см. также *ԲՀ*, стр. 153.

¹⁶ *ՀԱՐ*, 2, стр. 460—461; *Очерки...*, стр. 258.

¹⁷ См. *ՀԱՐ*, 6, стр. 1588, из и.-е. *ng'-; *Очерки...*, стр. 59, 163, 237, 319.

¹⁸ См. *ՀԱՐ*, 4, стр. 400, без этимологии; *Очерки...*, стр. 257, 261, 307, 308.

¹⁹ См. *ՀԱՐ*, 1, стр. 101—102, из и.-е. *ag'-; *Очерки...*, стр. 161, 178, 184, 191.

Передней Азии, М., 1967, стр. 268—269;

²⁰ См. *ՀԱՐ*, 5, стр. 506—507, значение и этимология неправильны.

²¹ Предлагаемые этимологии ненадежны, см. *ՀԱՐ*, 6, стр. 1115—1116.

²² *ՀԱՐ*, 3, стр. 215.

šihu, šiahu „смех, ликование, [смешной]“ (по Зодену), „нарядный, пышный“ (по Делицшу) — арм. ճիւղ ճիւղ-ալ „ликовать“, ճոխ ճոխ „пышный, богатый, веселый“²³;

supru „коготь, ноготь“ — арм. ճապրո ճարո „коготь“²⁴;

susu „болото, топь, трясина“ — арм. ճոճ ճոճ „болото, топь, трясина“;

šipratu „ветка, черенок, распада“ — арм. ճ(ի)պրոտ с(i)pot „прут, ветка“²⁵;

gassu „гипс, алебастр“ — арм. գաճ գաճ ջալ/ճ „гипс, алебастр“²⁶;

hişsu „щебень, гравий“ — арм. հիճ հիճ „щебень, гравий“²⁷;

ḥasannu „пояс, поясной ремень“ — арм. հասնահասն հասնահասն „поясной ремень“²⁸;

ḥaşbu, ḥaşbatu „скорлупа, кожура“ — арм. հեծեբ հեծեբ (хедер) „скорлупа, кора, кожура, чехол“²⁹.

Чередование с/ĉ в армянском языке рассматривается как результат диалектного воздействия или наличия «кавказского субстрата»³⁰. Не следует забывать также об аккадском влиянии: именно им обусловлено существование в армянском языке этимологических дублетов, соответствующих одной форме в аккадском. Вследствие разновременного заимствования могли возникать близкие по значению и звучанию дублеты, восходящие к звукоподражательным основам, например: от акк. šarātu „выпускать газы“ — арм. ծրտ-ել crt-el „гадить“, ցր[ժ]-ել crt'-el „котиться“, ճոտ[ժ]-ել ճոտ'-el „вырывать с треском“.

Роль аккадо-армянских соответствий (или аккадского пласта) возрастает в связи с тем, что их учет по-новому освещает кардинальные вопросы армянского языкознания: проблему слов, «не подчиняющихся» общим закономерностям армянского языка, вопросы «кавказского субстрата», «первой» и «второй» палатализаций и др.

Как известно, слова, «не подчиняющиеся» общим закономерностям армянского языка, составляют значительное количество. Многие специалисты, стараясь объяснить причину этих мнимых, на наш взгляд, отклонений, постулируют все новые звуковые переходы, чуждые фонетической системе армянского языка. Важность решения чрезвычайно запутанного вопроса отклонений (от чего и зависит выяснение происхождения армянского консонантизма) подчеркивает Г. Джаукян в своих «Очерках...»: «Основное в работе — сбор всех отклонений от из-

²³ ЗУР, 4, стр. 676—677; также Р2, стр. 202.

²⁴ ЗУР, 4, стр. 608; Очерки..., стр. 205, 303, 308.

²⁵ ЗУР, 4, стр. 649; Очерки..., стр. 206, 259, 307.

²⁶ В ЗУР, 1, стр. 507, գաճ/ջ зафиксировано как персидское заимствование.

²⁷ ЗУР, 2, стр. 366; Очерки..., стр. 114, 122, 303.

²⁸ ЗУР, 2, стр. 394; Очерки..., стр. 117.

²⁹ ЗУР, 2, стр. 357—358, считает арм. հեծեբ заимствованием из груз. хесеби; Очерки..., стр. 112, 114, 143, 305, выводит это слово из и.-е. *(s)ken-d-, *sek- «резать».

³⁰ Соответствие с-ĉ наблюдается также в армяно-кавказских (картвельских) параллелях, например: арм. ծրտ հիւսն «абрикос» — груз. segamі, арм. սոճիկ տոսակ «комар» — аварск. таџак, лакск. тіџак, нгуш. тосак.

вестных закономерностей»³¹. К сожалению, при этом не был учтен аккадский материал, между тем как в «отклонениях» обнаруживается множество совпадений с чисто аккадскими формами.

Вышеприведенные параллели выявляют следующие звуковые соответствия.

Аккадскому долготому ā, особенно геминированных основ, как ḥaḡāru, gašāšu, raḡaru, aḡaru соответствует в арм. aw>o, например: ܠܫܪܪܐ [uḥḥar-ḥ] h/xarog-el «бороздить», ܓܫܪܫܐ gašoš «секатор», ܪܫܪܐ [uḥḥar-ḥ] raḡog-el «боронить», ܐܪܪܐ oḡog-el «укачивать». В некоторых случаях соответствие гласных не наблюдается (видимо, при заимствовании из диалектов): акк. tinûru = арм. Թոնիր t'onir «очаг, печь», акк. kunukku = арм. Կնիք knik' «печать», а иногда, особенно в первом слове, гласные выпадают, напр.: kasāru = Կար-ել kər-el «соединять», sirsiru = Տրճիր տրճ «сверчок, кузнечик», kalāru = Կլար-ել klp-el «шелушить». Аккадские двусложные слова с гласным а переходят в армянские односложные с гласным и: напр. акк. ḥaḥḥu = арм. Խիխ хих «мокрота», акк. kalbu = арм. Կապր կափ «водяная крыса»; наоборот, акк. и в арм. соответствует а: unūtu = տնոթ anot' «утварь», supru = Տարու ճարու «коготь».

Удвоенные согласные в армянском не сохраняются, напр. акк. ḥunnutu/du «созревание» = арм. Խնտ/դ hunt/d «семя, зерно», акк. ruḥḥu = арм. րոխ-ել r'ox-el «менять», акк. kullulu = арм. Կոլոլ-ել kolol-el «окутывать» (диал). Аккадские звонкие и глухие согласные в армянском в основном сохраняются; при диалектных воздействиях глухие в конце или в середине слова переходят в придыхательные, напр. kititu = քիթիթ k't'et' «льняная одежда», а звонкие в середине слова оглушаются, напр. ḥabātu = Կապտ-ել kap-t-el «грабить», ḥasbu = Խսբսբս хесер «скорлупа, кожа».

Эмфатическому акк. ṭ соответствует арм. t, а эмфатическому s либо с/с , либо с (см. выше).

На месте акк. š, h, l, w, z имеем соответственно арм. s/s, x/h, ʃ, w/v, b, z/c.

Индоевропейскому *р в армянском должен соответствовать h, но вместо него в ряде слов выступает р', что трактуется как отклонение. Соблазн поисков причин этих мнимых отклонений еще больше запутывает вопрос «армянского передвижения согласных». Список «отклонений» значительно сократится, если исключить из него слова аккадского происхождения. Приведем несколько примеров.

Арм. րասպ-ել r'asap-el «окутывать, завертывать», (ս)փաթափ-ել [s]p'asap-el «передник, покров» выводят из и.-е. *(s)pak- или *paita/baita- «козья шкура, одежда из козьих шкур»³², но в таком случае из *paita- ожидалось бы *haуа, а не р'асап. В действительности это слово

³¹ Очерки..., стр. 5.

³² ЗИР. 5, стр. 115; также Очерки..., стр. 102.

не „отклоняющаяся“ форма, а заимствование, ср. акк. *rasapu* „окуты-вать, закрывать“³³.

Арм. *փակ* *p'ak* „замок, закрытый“, *փակել* *p'ak-el* „закрывать, запи-рать, теснить“ (ср. *փակ դրան* *p'ak drann* „замок от двери“) выводят из и.-е. **rag-/rak'*- „укреплять“³⁴, но в других и.-е. языках не зафиксирован этот корень, и этимология остается неубедительной. Более ве-роятным представляется заимствование армянского слова из акк. *raqu/requ* „тесный, замкнутый“ (ср. *raqu ru* „закрытые уста“, *raqu enê* „закрытые глаза“, а также *erêqu*³⁵).

Арм. *փշուր* *p'shur* „крошка“, *փշրել* *p'shr-el* „крошить, дробить, толочь“ этимологизируют из и.-е. **reis-* „толочь, крошить“³⁶, но нали-чие акк. *rašaru* „растворять, разрыхлять, ломать“³⁷ заставляет думать о его аккадском происхождении.

Арм. *փետ-փրտել* *p'et-/p'it-el* „рвать, щипать, обнажать“ (ср. *փետտ* *p'etat* „мотыга“) возводят к и.-е. **pek'*-³⁸, в то время как оно скорее заимствовано из акк. *petû/patû* „обнажать, раскрывать“³⁹.

Арм. *փռնել-հմ/պռնակ-հմ* *p'etnek-em/parak-em* иногда рассматри-ваются как этимологические дубликаты и выводятся из и.-е. **p(h)ereg-(s)pherg-* «рвать, срывать», при **(s)p(h)ereg-*(s)p(h)er-* «вздрагивать, тре-петать, отталкивать, поливать, прыскать»⁴⁰. Вызывают сомнение оба со-поставления, так как из и.-е. *p в одном случае имеем *p'*, а в другом—*p*. Однако противоречие легко разрешается с помощью акк. *ragāqu* „от-делять“⁴¹, от чего и арм. *պռնակ-ել* *parak-el* «отделять, раскалывать, разделять», *պռնակ* *parak* «раскол». Против такого сближения не воз-ражает и Г. Джаукян, считая источником этих слов «общеиндоевропей-ско-семитский корень». От таких общих и.-е. корней он находит воз-можным также происхождение арм. *փրկ-հմ* *p'rk-em* „спасать, избав-лять“, *պրծ*, *պրծ-անիմ* *pric, prc-anim* „спасаться, избавляться“, *սպր-իմ* *arg-im* „жить, спасаться, выжить“⁴².

Арм. *պրկ* *prk* „тугой, крепкий, стиснутый“, *պրկ-ել* *prk-em* „натянуть, прижимать, стиснуть, затыкать“ (ср. *պրկեցին զնա փակովք* *prkecin zna p'okowk'* „стиснули его ремнем“) выводят из и.-е. **(s)pē-*

³³ W. von Soden, B. Meissner, Akkadisches Handwörterbuch, Wiesbaden, 1965 (далее АНВ), стр. 840, 856.

³⁴ *ՀԱԲ*, 6, стр. 1116—1120; также Очерки..., стр. 102.

³⁵ АНВ, стр. 222; 861; F. Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch, Leipzig, 1896 (далее АН), стр. 115, 534.

³⁶ *ՀԱԲ*, 6, стр. 1246—1248; также Очерки..., стр. 102, 192, 301.

³⁷ АНВ, стр. 842; A. Deimel, Sumerisch-akkadisch Glossar, Roma, 1934, стр. 32, 34, 360.

³⁸ *ՀԱԲ*, 6, стр. 1142—1144, Очерки..., стр. 103, 306.

³⁹ АНВ, стр. 858, 861, 386; АН, стр. 551—553.

⁴⁰ *ՀԱԲ*, 5, стр. 851—854, также *ՀԱԲ*, 6, стр. 1204—1206; Очерки..., стр. 106, 123, 129, 201, 231, 301.

⁴¹ АНВ, стр. 829; A. Deimel, указ. соч., стр. 145, 357.

⁴² Очерки..., стр. 129, прим. 129: «Несомненно связаны с семитскими». Действитель-но, в акк. мы находим *eršgi* «обеспечивать, кормить», *irgi* «корм, продовольствие» (ср. арм. *արց* «прокорм, похлебка»).

ко-, *(s)p(h)ē(i)- „простираться, толстеть; иметь успех“, при *sp(h)ei- „тянуть, напрягать“⁴³. На наш взгляд, правильнее возводить его к акк. *paḡaku*, *perku* „запирать, загораживать“, напр. *elippi iṗtarik* „лодку привязал“, *bab paḡik* „дверь заперта“⁴⁴.

Арм. *պատ* *pat* „стена, край“ и *պատ/իտթ* *pat/p'at'* „круг“, *պատ-իւժ*, *փոթաթ-իւժ* *pat-em*, *p'at'-at'-em* „окутать“, *պատ-ան* *pat-an* „саван“, *պատ-եան* *pat-ean* „чехол, козух“ восходят скорее к шумеро-аккадским источникам, ср. акк. *pātu* „повязка“, *pattu* „край“, напр. *sa patta* и *patti* „край к краю“, и *pātu* „край, граница“⁴⁵, также *pattu* „ящик“, чем к и.-е. **pet-* „простирать (особенно руки)“⁴⁶.

Арм. *պահ-իւժ*, *պահ* *paḡ-em*, *paḡ* „держат, хранить, интернировать“ выводят из и.-е. **ṛāk'*- или **rag-* „укреплять“⁴⁷. Но при наличии акк. *paḡū*, *reḡū* „хранить, интернировать, запирать, прятать“, напр. *bīt paḡū* „дом запираения—тюрьма“⁴⁸, такая этимология весьма сомнительна (ср. арм. *paḡ* „тюрьма“).

Одним из основных отклонений от «армянского передвижения согласных» считается наличие *h* на месте и.-е. *k вместо ожидаемого *k*, но мнимость и этого «отклонения» показывают слова скорее аккадского, чем индоевропейского происхождения. Например, арм. *խիճ* *xiḥ* „щебень, гравий“, вероятно, восходит к акк. *hissu* „гравий, щебень“⁴⁹ (ср. евр. и араб. *ḥaṣaṣ*, эфиоп. *ḥosa* араб. *ḥaṣa*), а не „исконно индоевропейское“, из *(s)*kēi-d* „резать, отрезать, отделять“ (при наличии (s)*k(h)ed-*, *(s)*k(h)e-p-d* „раскалывать, рассекать“⁵⁰).

Выводят из и.-е. *(s)*kep-d-*, *(s)*kend-* „откалывать, кожа, кора, струп“ (от *sek-* „резать“) или из *(s)*k(h)ed-*, *(s)*k(h)end-* „раскалывать“ также арм. *խեճ* *xeḥ* *xeṣer*⁵¹, включая в группу слов „с особым случаем отклонения“, т. е. в группу слов „со вторым передвижением“, „которые имеют *h* на месте и.-е. *k (к) вместо ожидаемого *k*“⁵². Но арм. *xeṣer* вовсе не индоевропейское слово, а заимствование из акк. *hasbu III*, *ḥaṣbattu* „скорлупа, кожа“⁵³.

Также арм. *խոր* *hor* „лемех, сошник“ не из и.-е. *(s)*ker-*, *(s)*kob(h)-* „резать, колоть“; Р. Ачарян считает его „заимствованием

⁴³ Очерки..., стр. 130—131; *ՀԱՐ*, 5, стр. 1067, сходство арм. *piḡk* с ассир. *piḡk* считает случайным.

⁴⁴ ANW, стр. 841; АН, стр. 539—540, *piḡku* переводит «засов», а *paḡku*—«запирать на засов, преграждать».

⁴⁵ ANW, стр. 849—851; арм. *pat* Г. Сагзян сравнивает с шум. *BAD*, *BAT*, *И. Карст*—с акк. *pātu*, см. *ՀԱՐ*, 5, стр. 869—874; также Очерки..., стр. 129, герим. 130.

⁴⁶ Очерки..., стр. 102, 129, 301, 327.

⁴⁷ *ՀԱՐ*, 5, стр. 788—792; Очерки..., стр. 102.

⁴⁸ ANW, стр. 811, 852, 855; АН, стр. 519.

⁴⁹ ANW, стр. 349.

⁵⁰ *ՀԱՐ*, 2, стр. 366; Очерки..., стр. 114.

⁵¹ См. Очерки..., 112, 113, 143, 305.

⁵² Там же, стр. 101.

⁵³ ANW, стр. 332.

из кавказского источника“, но прав Г. Джаукян, когда говорит: „Следует искать общий источник заимствования“⁵⁴. На наш взгляд, источником заимствования могло быть акк. *ḥeru II*, *ḥarû*, *ḥurrû* (= GAZ-GAZ) „разбивать, разрушать“, ср. *ḥērû* = *LUpig-gul (-la)-aka-* (a) „трамбовщик, раскалыватель глыб (на поле)“. Должно быть, лемех, сошник, надетый на деревянную соху, получил название по своей функции⁵⁵.

Арм. *խզ-ել* *xiz-em* „резать, стричь“, *խզ-իւ* *xz-em* „рвать, разрывать, отделять“ выводят из и.-е. **skēl-* „резать, отделять“, при *(s)keu-t- „резать, отделять, скоблить“ (от **sek-*)⁵⁶, но и эта этимология сомнительна при наличии общесемитского слова *ḥzm* „резать, отрезать, стричь“⁵⁷.

Арм. *խոճափ/խոճափ* *xinčap/xoščap* „пояс, поясной ремень“ надежнее сравнивать с акк. *ḥuṣappu* „пояс, поясной ремень“⁵⁸, чем с гипотетическим и.-е. **kenk-*⁵⁹.

Арм. *խզուզ/խծուծ* *xzuz/xsus* „шелуха, мякина“, *խզզ-ել/խծծ-ել* *xzz-el/xcc-el* „разрывать, растрепывать, чесать“ этимологически связаны с акк. *ḥazazu/ḥaṣaṣu* „отламывать“ и *ḥussusu* „сломанный (камыш)“⁶⁰.

Арм. *խրամ* *xram* „траншея, ров, пролом в стене“, *խրամատ* *xramat* „окоп, ров, траншея“, *խրամատ-ել/-աղել* *xramat-el/-akel* „рвать, разрывать“ выводят из и.-е. *(s)ker-, *(s)krē-m-, (s)kra-m- „резать“⁶¹, но, видимо, более убедительным источником является акк. *ḥaramu* „отделять, отрезать“.

Арм. *խիխ/խոխ* *xix/xox* „мокрота, слизь“, *խիխ/խոխ-ել* *xix/xox-el* „откашливаться, выплевывать (мокроту)“—явно из акк. *ḥaḥḥu I* „слизь, мокрота“, *ḥaḥû II* „выплевывать“⁶², между тем его характеризуют как слово „неизвестного происхождения“ или выводят из и.-е. **k'ekʷ-* „сасаге“, **k'ekʷr-*, **k'ekʷn-*⁶³.

Арм. *խոր* *xog* „глубокий“ при *հոր* *hog* „яма, ров, колодец, водоем“ надежной этимологии не имеет; вероятно, *հոր/խոր* происходит из акк. *ḥarû II* „колодец, яма“ (ср. глагольную форму *ḥerû II* „копать, рыть, углублять“), как и арм. *խորշ* *xogs* „полость, впадина“—из акк. *ḥuršu* „помещение, склад, уголок“ (напр., *Յոնան իջևալ խորշ մի Կալիկի* *Yonap ijeal, xogš mi pawlp* „Иона спустился в трюм корабля“—акк. *ina bit ḥurše* „в помещении, в складе“). Эти армянские слова,

⁵⁴ См. Очерки..., стр. 120, прим. 92; также *ՀԱԲ*, 2, стр. 423, 424.

⁵⁵ АНУ, стр. 340, 341.

⁵⁶ *ՀԱԲ*, 2, стр. 413—414; Очерки..., стр. 116, 207.

⁵⁷ АНУ, стр. 338, 362, 363.

⁵⁸ АНУ, стр. 361; АН, стр. 288.

⁵⁹ *ՀԱԲ*, 2, стр. 290; Очерки..., стр. 117.

⁶⁰ В *ՀԱԲ*, 2, стр. 375, как заимствованное слово из кавказских языков; ср. АНУ, стр. 331, 361; А. Deimel, указ. соч., стр. 124.

⁶¹ *ՀԱԲ*, 2, стр. 430; *Նոր Բաղրբր հայկազնան լեզուի, Վենետիկ, 1836*, II, стр. 992, упоминает араб. *ḥarm* и *ḥare*; см. также Очерки..., стр. 121.

⁶² АНУ, стр. 308, АН, стр. 272.

⁶³ *ՀԱԲ*, 2, стр. 385 и 416; Очерки..., стр. 119, 191, прим. 88.

вместе с *սոր* *սօր* „дыра, нора, логовище, пещера“, выводят из и.-е. *k'eugos- или *k'oŋogo-, *k'eu-, *k'-oŋ-го-, so(ŋ)ого- „вздуать, вздутие, свод, впадина“⁶⁴.

Неоднократно отмечалось неиндоевропейское происхождение арм. *խոր* *хог* „глубоко, глубокий“ и *խոռ* *хог* „брешь, дыра, слом, разрушенный“ (последнее слово правильно отмечено у Й. Карста как заимствование из акк. *ḫurru* „дыра, пролом, брешь“). В армянском различаются *խոր/հոր-ել* *хог/hog-el* и *խոռ-ել* *хоѳ-el* как разные глаголы, и действительно, *խոռ-ել* из акк. *ḫurru*, а *խոր/հոր-ել* из акк. *ḫerû II* „копать, вырыть, углублять“ (ср. арм. *խոր-սղծել* „углублять“)⁶⁵.

На основе сомнительных сопоставлений сформулирован также переход и.-е. *k(kŋ) > арм. h/нуль вместо ожидаемого k'. Например, сходство арм. *հաճ* *hašm* „инвалид, увечный, искалеченный“ с арабским *hašata* „ломать, разбивать, увечить“, откуда и *տաճիտ* „разбитый, разможенный, изувеченный“⁶⁶, очевидно, но оно считается „случайным“, и *hašm* вместе с *harš* (*has*, *has*) выводят из и.-е. *(s)ker- „резать“⁶⁷.

Важной задачей современного сравнительного языкознания является исследование отражения протоиндоевропейских ларингалных в армянском языке. Но так как в списке исконно армянских слов попадают семитские (а именно аккадские) заимствования, полученные выводы весьма проблематичны. Так, в главе «Отклонения от основных закономерностей изменения фрикативных и сонантов» вышеупомянутой книги Г. Джаукяна приводятся слова для доказательства сохранения и.-е. *s, sk в армянском или перехода и.-е. *sk, *sk' в s/š, хотя в начале слова ожидается переход в h или нуль⁶⁸. Думается, что исключение слов аккадского происхождения из числа «отклоняющихся» внесет некоторую ясность в этот вопрос.

Армянское название сливы— *սալօղ* и *ճօղ* (диал.), в аккадском же языке находим название *šallugu* «какой-то фрукт»—как правильно заметил Н. Адонц, по всей вероятности, «слива». Таким образом, происхождение армянского слова из и.-е. *(s)li-ŋo- «синеватый»⁶⁹ не убеждает.

Арм. *չոր* *сօր* „одежда, ткань“ вместе с *խորի* *хогх* „чехол, оболочка, кожа“ имеет этимологию из и.-е. *(s)k(h)eu- „покрывать“⁷⁰, однако оно скорее восходит к акк. *šuru* „ткань“⁷¹.

⁶⁴ *ՀԱՐ*, 2, стр. 398, 399, 404—405, 410; *Очерки...*, стр. 190, 226, 227, 309, 312, 180, 191; Ср. также АНУ, стр. 328, 341, 348, 359—360.

⁶⁵ *ՀԱՐ*, 3, стр. 398, 404—405; также Г. Капанцян, *Историко-лингвистические работы*, Ереван, 1956, стр. 363—364; *Очерки...*, стр. 190, прим. 85; ср. также АНУ, стр. 328, 341, 348, 359, 360.

⁶⁶ Х. К. Баранов, *Арабско-русский словарь*, М., 1962, стр. 1087; в аккадском имеется параллельная форма *šatati* без *ḫa*, см. АНУ, стр. 1154.

⁶⁷ *ՀԱՐ*, 4, стр. 132—133; также *Очерки...*, стр. 106.

⁶⁸ *Очерки...*, стр. 248.

⁶⁹ *Очерки...*, стр. 249, 254; *ՀԱՐ*, 6, стр. 26—27; *Ն. Աղսից*, указ. соч., стр. 386—387.

⁷⁰ *ՀԱՐ*, 5, стр. 403—404, без этимологии; см. также *Очерки...*, стр. 263.

⁷¹ Н. Б. Янковская, *Клинописные тексты из Кюль-Тепе*, М., 1968, стр. 114, 115, 127, 223.

Неправильна также этимология арм. շմոր *šmor* „ссора, смятение, буйство“ из и.-е. *(s)kei- „звать, кричать, шуметь, стучать“⁷², так как оно из акк. *šumgu/šamgu* „бешенство, неистовство, ярость“, глагольная форма—*šamāgu*⁷³.

Как известно, весьма сложным вопросом арменистики остается «вторая палатализация» в армянском. Индоевропейские этимологии многих слов и здесь привели к противоречивым выводам. Чтобы примирить их, эти слова были объявлены «отклонениями от закономерностей». Но такие «отклонения» составляют очень длинный список, а причины, вызывавшие палатализацию, не выяснены. Между тем некоторые армянские слова из «не подчиняющихся второй палатализации» удается возвести к аккадокому; это позволяет отказаться от гипотезы «палатализации без передвижений»⁷⁴. Приведем примеры.

Арм. ճարիկ *čarig* „коготь“ сопоставимо с акк. *šurru* „коготь, ноготь“, напр. *šurru kalbi* „коготь собаки“ (но не с сир. *terā*, евр. *šippon*, эфиоп. *sefēr*, араб. *zufur*)⁷⁵. Это сходство считается „случайным“ и предлагается этимология из и.-е. *kar-, *ker- „хватать, схватить“⁷⁶.

Арм. ճեմ/ճէմ *čet/cét* „поколение, отпрыск, род, племя“ (ср. *անճեմ* *apčet* „бездетный“, *անճբն-իւ* *apcit-el* „уничтожать племя“) выводят из и.-е. *ken-t-, *kon-t-⁷⁷, но ср. акк. *sītu* „отпрыск, потомство, происхождение, продукт“ (ср. араб. *jadd* „племя“), *sīt libbi* „родное дитя“⁷⁸.

Арм. ճպտտ, ճպոտ, ճբպոտ *čpat, čpot, čpot* „ветка, прут, побег, распада деревьев“ сравнивают с арм. ճպկղ/ճբպղ *čreĭ/čirĭ* „стропило“, ճբ 3: 3: „побег, молодая ветвь“, греч. *ξύκτρον* „палка, посох, жезл“— и.-е. *(s)kēr- „резать, колоть“⁷⁹; однако оно явно происходит из акк. *sippatu, sip̄tu* „распада, ветка, камыш“ (ср. араб. *sabot*)⁸⁰.

Арм. ճոխ *čox* „пышный, веселый, богатый“, ճոխ-/ճխ-ալ *čox-/čx-al* „ликовать“ выводят из тур. *çok* „много“, но это анахронизм, так как армянское слово многократно засвидетельствовано в письменных памятниках V в. Нетрудно узнать в нем акк. *sajjahhu, saḥhu* „веселый, нарядный, пышный“, *šuhhu, sahu* „веселиться“⁸¹.

Попытка возвести арм. ճճի, ճճ, ճբճ *čči, čis, čiču* „червь, глиста“ к и.-е. основе также маловероятна при наличии акк. *e/issu* „червь“ (начальный гласный *e/i* отпадает, как и в других заимствованиях, ср.

⁷² Очерки..., стр. 262.

⁷³ АНУ, стр. 1154—1158; АН, стр. 571—572, 638.

⁷⁴ Очерки..., стр. 196—197.

⁷⁵ АНУ, стр. 1113.

⁷⁶ *ՀԱԲ*, 4, стр. 608—609; см. также Очерки..., стр. 205, 303, 308.

⁷⁷ Очерки..., стр. 206; *ՀԱԲ*, 4, стр. 637—638.

⁷⁸ АНУ, стр. 549, 1106.

⁷⁹ *ՀԱԲ*, 4, стр. 649; см. также Очерки..., стр. 200.

⁸⁰ *ՀԱԲ*, 3, стр. 201; АНУ, стр. 1104; АН, стр. 571—572, 638.

⁸¹ *ՀԱԲ*, 3, стр. 210; *ԻՀ*, стр. 202; АНУ, стр. 1075, 1096, 1108—1109; АН, стр. 565—566.

акк. *esēru*—арм. *сг-ел*). Также из акк. *šīšū*: „щебень, гравий“ арм. *խիճ* *хиճ* „щебень, гравий“, но никак не из и.-е. **(s)kēl-d-* „отрезать“, **(s)k(h)ed-*, **(s)k(h)end-* „раскалывать, расщеплять“⁸².

Арм. *կէտ* *kēt* „конец, точка, завершение“ выводят из и.-е. **geid-* „колоть, щекотать“; тем не менее акк. *qatū* „завершение, конец, окончание“—более надежный источник для *kēt*⁸³.

Появление в армянском языке переднеязычных аффрикат, фрикативных и смычных рассматривается некоторыми специалистами как результат «первой» и «второй» палатализаций. Однако соответствующие реконструкции многих слов никак не помогают выяснению механизма образования некоторых фонем армянского языка, отсутствующих в других индоевропейских языках. Например, до сих пор не показано, как возник в армянском языке звук *с*, хотя его возводят к и.-е. **gi* или **g(ǵ)*. *k(kʷ)*, **d*, **t*⁸⁴. Наличие *с* и *с* в армянском объясняют влиянием «кавказского субстрата». Но чередование *с/с*—одна из характерных черт армянского языка, напр. *ճկոյթ/ծկոյթ* *скоут'/скоут'* „мизинец“, *ճաբաթ/ծաբաթ* *чапаѐт/сапаѐт* „узнавать, признавать“, *Ճորոխ/Ծորոխ* *џорох/согох* (река), *Ճիւղի/Ծովի* *сипп/ситипа* (местность), что позволяет видеть в наличии *с/с*—*с* в армянском, аккадском и кавказских языках влияние местного субстрата.

Это ареальное воздействие обнаруживается, кроме фонетики и лексики данных языков, также в морфологии, словообразовательных показателях. Г. Джаукян указывает: «Кроме слов.. отклонения наблюдаются и в суффиксах. Все эти случаи объясняются либо влиянием субстрата, либо заимствованностью этих слов (или суффиксов), либо проникновением диалектных изменений в древнеармянские тексты»⁸⁵.

Показатели множественного числа *-տի, -նի, -ուի, -եր* И. Карст считает «результатом влияния кавказских языков» или «наличием внутренней связи»⁸⁶. Суффиксы *-te, (-ti, -t)*, по Н. Я. Марру, «яфетического происхождения»⁸⁷. Заслуживает внимания то, что множественное число в аккадском языке образуется формантами *-ē, -ati, -ate, -ēte* для женского рода и *-ani* для мужского рода. Например: *girru—girrate* „походы, поездки“, *arragu—arragate* „камышы“, *ilu—ilanu* „боги“, *tillu—tillani* „холмы, руины“, *alu—alani* „города“ и т. п.⁸⁸

Еще в грабаре (и живых диалектах) встречаем аналогичные форманты множественного числа *-տի -ti* и *-անի -ani*, напр. *սուրբ—սուրբաի*

⁸² *ՀԱԲ*, 2, стр. 366, 3, стр. 206; Очерки..., стр. 114, 122, 166, 303.

⁸³ *ՀԱԲ*, 2, стр. 583; см. также Очерки..., стр. 67, 174, 197, прим. 107; ср. ANW, стр. 911.

⁸⁴ Очерки..., стр. 157, 280—281.

⁸⁵ Там же, стр. 101.

⁸⁶ *Յ. Կարսի*, *Հայերեն -եր, -նի, -ուի, -տի հոգնակերպերը, «Հանդես ամսերկաշ»*, 1903, № 1, стр. 10—14.

⁸⁷ Н. Я. Марр, Два яфетических суффикса *-te(-ti, -t)* в грамматике древнеармянского (хайского) языка. «Известия АН», СПб., 1910, стр. 1245—1250.

⁸⁸ W. von Soden, Grundriss Akkadische Grammatik, Roma, 1952, § 114; K. Riemschneider, указ. соч., § 20. 9, 10.

oskor — oskr-oti „кости“, փոր — փորոտի p'or-p'or-oti „кишки“, ծաղ — ծաղոտի sak — sakoti „дыры“, մանուկ — մանկաի manuk — mank-ti „младенцы“, կին — կանանի kīn-kanani „женщины“, պտուղ-պտղի ptuḫ — ptḫ-ni „фрукты“, и т. д. Но в дальнейшем они потеряли свою функцию, и вместо них появились новые суффиксы -եր -er или -ներ(նի + եր) -ner(ni + er): կնի-տի-ք-ն-եր knk-ti-k'-n-er „женщины“, փոր-ոտի-ք-ներ p'or-oti-k'-n-er „кишки“, ձեռ-ք-եր jer-k'-er „руки“, գր-ք-եր ք-կ'-er книги“ и т. д.⁸⁹

Наличие сходных показателей множественного числа в генетически разных языках (армянский, аккадский, картвельские языки) предполагает скорее ареальное воздействие, нежели заимствование друг у друга, тем более что подобных показателей в других и.-е. языках мы не встречаем. Близки по значению также арм. суффиксы ան(ի) -an(i) и акк. -ānu, ср. акк. qaqqadānu а т. gagat'-ani⁹⁰. Г. Капанцян сравнивал арм. префикс աւ- an- „на, над“ с акк. предлогом ana „на, над, в“ (անկողին, անոտի, անկարգոր, անթաղ, անդեղեայ, անրա՞ի ankolin, anofī, ankarurdk', ant'pel, andeḫay, anbahi), а арм. բն էտ „то, согласно“ с акк. ištu⁹¹.

Трудно представить себе, что союз ու и «и» случайно совпадает с акк. союзом и «и», что так же случайно совпадение междометий բա, բամ ba, bam „ну и ладно, а“ с аккад. междометием ba, bam. Ф. Делицш приравнивает акк. ba, bam к союзу и⁹², но Н. Янковская совершенно справедливо переводит его как „ладно“, считая это слово междометием: !um-та а-па-ку-та ba-a-am „А я сказал так: ну, ладно...“⁹³ (ср. арм. ասէ բամ А Ва Inc anenk' „говорит: ну и ладно“ Բա ուս մենք „А что будем делать?“).

Другое объяснение дают Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов сходствам между индоевропейскими, картвельскими и семитскими языками, предполагая очень древние контакты праязыкового периода: «Учет всего комплекса лингвистических (в частности, ареально-диалектологических) данных, касающихся индоевропейского праязыка и его древнейших диалектов (анатолийско-тохарская, индо-ирано-греческо-армянская, «древнеевропейская» и другие ареальные общности), дает основание соотнести хронологически и типологически индоевропейскую систему с системами южнокавказского (картвельского) и семитского праязыков. Типологическое сходство этих систем, в особенности фонологических систем индоевропейского, картвельского, семитского, наличие заимствованной лексики уже на праязыковом хронологическом уровне (картвельско-индоевропейской, индоевропейско-семитской, а также хаттско-индоевропейской, шумеро-индоевропейской и др.) пред-

89 Ա. Մ ու ռ զ ա լ լ ա ն, Հայերենի մասնիկները և նրանց առնչությունները վրաց և կովկասյան մյուս լեզուների հետ, Աշխատությունների ժողովածու, 4, Երևան, 1949, стр. 67—280.

90 Ա. Մ ու ռ զ ա լ լ ա ն, указ. соч., стр. 160—165, о суффиксах -ան, -անի со значением «имеющий, обладающий».

91 Գ. Ղ ա փ ա ն ջ լ ա ն, указ. соч., стр. 15—17, 25.

92 См. АН, стр. 161, также К. Riemschneider, указ. соч., стр. 69, § 8. 14.

93 Н. Янковская, указ. соч., стр. 122.

полагает наличие контактов между этими праязыковыми системами и соответственно общий ареал их распространения в определенной области Передней Азии»⁹⁴.

Но пока история Армении доурартского периода, тем более в эпоху шумеро-аккадской цивилизации (IV—II тыс. до н. э.), почти не изучена. Касаясь этого вопроса, Н. Адонц отмечал: «В вопросе судьбы и названия Армении в шумеро-аккадскую эпоху мы фактически находимся в полной темноте»⁹⁵. «В каком состоянии была Армения в шумеро-аккадскую эпоху? Была ли составной частью цивилизованного мира и как она называлась в этом далеком прошлом—в основном ничего не известно»⁹⁶.

Но там же автор утверждает: «Армения, по стечению вещей, по своему географическому положению, не могла быть изолированной от Месопотамской цивилизации»⁹⁷. К такому выводу пришел и Дж. Мелларт, который, опираясь на новые данные, включает в сферу влияния культуры Месопотамии также юг Армении, среднее течение Тигра и Евфрата⁹⁸.

О том, что история Армении неразрывно связана с историей Двуречья, свидетельствует также шумеро-аккадский пласт армянского языка. Но когда и каким образом могли древнеаккадские формы, шумерские слова проникнуть в армянский язык, если он, как принято считать в науке, сложился в то время, когда шумерский и аккадский языки уже не существовали? По мнению некоторых специалистов, шумеризмы и аккадизмы в армянском языке—результат не прямых, а опосредствованных контактов. Согласно Г. Каланцян, проникновение шумеро-аккадских слов произошло после арменизации хуррито-урартских и хеттских племен⁹⁹, а И. М. Дьяконов считает возможным заимствование через посредство «либо арамеев, либо урартов»¹⁰⁰. «Многие армянские заимствования из ассирийского, по всей вероятности, восходят к нему опосредствованно»,— пишет Г. Джаузян, несомненно имея в виду урартский язык¹⁰¹. Но так ли это в действительности? Посредничество указанных народов неубедительно, особенно урартское—из-за отсутствия в урартском пантеоне тех божеств шумеро-аккадцев, которые сохранились у армян. Как международные языки древней Передней Азии, шумерский и аккадский в какой-то мере могли оказать

⁹⁴ Т. В. Гамкрелдзе, В. В. Иванов, Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции.— «VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти академика В. В. Струве. Тезисы докладов», М., 1979, стр. 33.

⁹⁵ Ы. Цилиг, указ. соч., стр. 27.

⁹⁶ Там же, стр. 24.

⁹⁷ Там же, стр. 18.

⁹⁸ J. Mellaart, Mesopotamian Relations with the West, including Anatolia during the 4th and 3rd Millennia B. C.— „XXVème Rencontre Assyriologique internationale“, Berlin, 1978, стр. 15.

⁹⁹ Գ. Շիրահյան, указ. соч., стр. 4.

¹⁰⁰ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 200.

¹⁰¹ Очерки..., стр. 327.

влияние и на языки народностей Армянского нагорья, которым в дальнейшем принадлежала немаловажная роль в формировании армянского народа. Доурартские контакты между населением Армянского нагорья и Междуречья вполне реальны не только при наличии в Малой Азии (на юге и западе Армянского нагорья) аккадских факторий (Канеш—позднее Мазака, арм. Мажак; Урша, арм. Урфа/Урха), но и при том, что убежищем для аккадоязычных (семитоязычных) переселенцев и беженцев неоднократно служила Армения, как об этом свидетельствуют клинописные источники (сообщение лазутчика Ашшурдурпаниа Сарголу II, *IIABL*, 252, Part III, R 2—7, 1896, Письмо Ассархаддона богу Лшшуру, И. М. Дьяконов, *АВВИУ*, 50, 67/77), Библия (4 Книга Царств, 19, 37), *Анналы Ассархаддона*, *Надписи Ашшурбанипала*, *Вавилонские хроники*, «В»), *Берос* и армянские историки.

Мовсес Хоренаци говорит о самых ранних переселенцах в Армению из Междуречья, о Кисустре (кн. 1, гл. 6)—клинописном Зиусутре Шуруппакском или Утнаштиме¹⁰², а также о переселении Айка, родоначальника армян, из Вавилонии со своей челядью (кн. 1, гл. 10—12). Отклики этих древних переселений с юга в Сасун, Хут сохранились также в выражении *greank' asogvoc* «сирийские простолюдины» у историка IX в. Товмы Арцруни (см. *История Тарона*, стр. 203—204).

До сих пор армянская филология не может решить, действительно ли армянский народный эпос «Сасна црер» создавался в период арабского халифата, в IX—X вв., и если это так, почему такие имена героев эпоса, как Сенекерим, Санасар, Багдасар, Цовинар, Хандут, Курик, Марута имеют аккадское происхождение?

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

Значительное число армяно-аккадских параллелей позволяет показать мнимость отклонения от закономерностей армянского языка ряда слов, которые до сих пор считались исконными, а также выявить аккадский пласт армянского языка. К сожалению, до сих пор изучение истории формирования армянского народа и армянского языка велось без учета аккадского влияния, возможность которого считалось анахронизмом из-за господствующего мнения о возникновении армянского языка не раньше VI в. до н. э.

Некоторые архаичные аккадские формы, сохранившиеся в армянском и отсутствующие в других семитских и несемитских языках, фонетические переходы, характерные для древнеаккадского периода, и названия шумерских божеств, отсутствующие в самом аккадском и урартском пантеоне, также говорят в пользу существования доурартских, очень давних непосредственных контактов между населением Армянского нагорья и народами Двуречья.

¹⁰² У армян продолжает свое параллельное существование «Основное армянское летоисчисление», берущее начало около 2500 г. до н. э. В 1979 г. пошел 4470/4471 год по этому календарю, начало которого совпадает с приходом в Армению Кисустра Шуруппакского. См. «Հրաժիրն օրացույցը», 1979.

Некоторые лексико-фонетические и морфологические параллели позволяют говорить либо о наличии очень древних контактов между генетически разными языковыми семьями (семитской, индоевропейской, картвельской), либо о воздействии ареального характера.

ՀԱՅԵՐԵՆԻ ՕՐԻՆԱԶԱՓՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻՅ ՆԿԱՏՎՈՂ «ՇԵՂՈՒՄՆԵՐԸ»
ԱՔՔԱԳԵՐԵՆԻ ՏՎՅԱԼՆԵՐԻ ԼՈՒՅՍԻ ՏԱԿ

Բանասիր. գիտ. թեկնածու Ն. Ա. ՄԿՐՏՉՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հենվելով հին աքքադերենի հնչյունական վիճակը ներկայացնող մի շարք փոխառությունների և աքքադերենում բացակայող, բայց հայերենում ու շումերերենում առկա աստվածանունների վրա, ենթադրում ենք, որ աքքադերենից կատարված այդ փոխառությունները Հայկական լեռնաշխարհի և Միջագետքի բնակիչների միջև շատ հին ժամանակներում, մինչև Ուրարտուն և ավելի վաղ տեղի ունեցած մերձեցումների արդյունք են:

Հողվածում կանգ ենք առնում աքքադերենից եկող հատկապես երկրագործական գործիքների անվանումների վրա, և քանի որ այլ լեզուներից հետագա դարերում հայերենին երկրագործական տերմիններ չեն անցել, ուրեմն դրանք էլ ներկայացնում են հայերենի ամենահին բառաշերտը:

Լեզվական զուգահեռների, ինչպես նաև պատմական փաստերի լույսի տակ հողվածում քննվում են այսպես ասած հայերենի «օրինաչափություններից շեղվող» մի մեծ խումբ բառեր, որոնք պարզապես աքքադերեն են: Այսպես օրինակ՝ հ.-ե. *D-ի դիմաց հայերենը պիտի ունենա և, սակայն բազմաթիվ բառեր այս կանոնին «չեն ենթարկվում» և ñ-ի փոխարեն ունենում են կամ փ կամ պ, դրանցից են՝ փածանեմ, փակեմ, փշեմ, փետեմ, փեռեկեմ/պառակեմ, պրկեմ, պահեմ, պատ և այլն, որոնք, սակայն, հնդեվրոպական ծագում չունեն և նույնն են աքքադերեն paṣṣanu, paqu, paṣaru, petu/pitu, paraqu, paraku, pahu/pihû, patu բառերի հետ:

Հայերենի ենթադրվող «բաղաձայնների տեղաշարժի» օրենքից «շեղում» են հանդես բերում մի շարք բառեր, որոնք հ.-ե. *(kʷ) -ր դիմաց պիտի ունենային կ, սակայն ունեն խ, օրինակ՝ խեռեպ, խփ, խին, խոնհան, խամ/ատ, խուխ, խոռ, խոռ և այլն, որոնք նույնպես հնդեվրոպական ծագում չունեն, այլ աքքադերենի ḫasbu/hasbatu, hepu/ḫuppu, hissu, ḫuṣannu, ḫaramu, ḫahhu, ḫaru/ḫeru, ḫurṣu բառերն են:

Քննարկվում է հայերենում «նրկորոգ քմայնացման» և այսպես ասած «լրացուցիչ անտեղաշարժ քմայնացման» հարցը, թե ինչու հայերենում սպասվող և, շ-ի (կամ ծ, գ-ի?) փոխարեն հայտնվում են և, օ (կամ ծ, ձ?) նետ, նիպոտ, նոխ, նապոտ և նման բառերում, որոնք դարձյալ աքքադական ծագում ունեն և հնդեվրոպական չեն. (situ, sippātu, suḫhu, supru):

Հողվածում արծարծվում է նաև այսպես ասած «կովկասյան նստվածքի» հարցը. հնդեվրոպական հայերենի, սևական աքքադերենի, քարթվելական վրացերենի միջև նկատվում են հնչյունաբանական-ձևաբանական (նաև բառապաշարի) մի շարք ընդհանրություններ, որոնք դժվար է բացատրել փոխառությամբ և հավանաբար արդյունք են արևալային ինչ-որ մի հիս նստվածքի ներգործության: